

ИСПОЛНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА



Людмила ЗАЙЦЕВА,
заведующая кафедрой
прокурорской деятельности
УО “Институт переподготовки
и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции БГУ”
кандидат юридических наук, доцент



Татьяна САВЧУК,
старший преподаватель
кафедры административного права
Академии управления при Президенте
Республики Беларусь

В Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от

23 декабря 2010 года № 672, органам, ведущим уголовный процесс, предложено оптимизировать практику применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Одной из таких мер является домашний арест, предусмотренный ст. 125 УПК. Такая мера пресечения определена законодательством других государств-участников СНГ: ст. 107 УПК Российской Федерации, ст. 149 УПК Республики Казахстан, ст. 110 УПК Республики Таджикистан, ст. 188 УПК Республики Молдова, ст. 163 УПК Азербайджанской Республики. Домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания под стражей, но с применением правоограничений, указанных в законе. Вопросы их юридической регламентации были предметом изучения одним из авторов настоящей статьи [1].

Как отметил заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь А.К. Стук, наблюдается увеличение случаев применения домашнего ареста в первом полугодии 2011 года (183) по сравнению с аналогичным периодом 2010 года (98), наиболее активно данная мера пресечения применялась в Могилевской области — 73 (28) [2].

По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, за последние 7 лет в целом по республике сформировалась иная, противоположная, тенденция, которая характеризуется сокращением применения домашнего ареста: в 2005 году она применялась к 548 обвиняемым, в 2006 году — к 402, в 2007 году — к 320, в 2008 году — к 349, в 2009 году — к 256, в 2010 году — к 269, в 2011 году — к 418. В этой связи некоторые авторы полагают, что домашний арест не имеет под собой практического обоснования [3], его введение в закон — это “дань моде” [4]. Другие справедливо считают домашний арест эффективной мерой пресечения, поскольку она позволяет обвиняемому оставаться в привычной среде, обеспечивает его изоляцию и надлежащее поведение и экономически выгодна для государства [5].

По мнению 75,6 % опрошенных нами работников правоохранительных органов, применение домашнего ареста целесообразно, хотя только 42,7 % из них применяли такую меру

пресечения. Причинами, препятствующими ее активному применению, 58,5 % респондентов указали отсутствие законодательной базы, предусматривающей порядок исполнения домашнего ареста, 43,9 % — избрание “проверенных” мер пресечения (заключение под стражу или подписка о невыезде и надлежащем поведении), 14,2 % — неэффективность сопровождающих домашний арест мер, по 0,4 % — отсутствие практической возможности его исполнения на местах; существующий порядок его применения (как при заключении под стражу); отсутствие электронных средств контроля (ЭСК)¹.

Полагаем, что нечастое избрание такой меры пресечения, как домашний арест, обусловлено прежде всего недостаточной законодательной регламентацией ее применения. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что домашний арест не находит широкого применения, поскольку не разработана процедура реализации сопровождающих его запретов и обязанностей, отсутствуют механизм осуществления надзора за поведением обвиняемого и нормативный правовой акт, устанавливающий круг субъектов и порядок исполнения данной меры пресечения.

УПК Российской Федерации, как и УПК Республики Беларусь, не решает вопросов, связанных с исполнением домашнего ареста. В этой связи одни специалисты предлагают возложить надзорные функции на органы исполнения наказаний [6], другие — на органы внутренних дел [7], третьи — на подразделения службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации [8].

УПК Республики Беларусь (ч. 6 ст. 119) обязывает возлагать исполнение домашнего ареста возлагать на органы дознания. Между тем на практике эту функцию осуществляют, как правило, территориальные участковые инспекторы милиции, а в случае установления наблюдения за обвиняемым либо охраны его жилища (п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК) — специальное подразделение Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД).

Такое решение закономерно, поскольку участковый инспектор милиции наиболее приближен к населению. Кроме того, в соот-

ветствии с постановлением МВД от 13 ноября 2007 года № 294 “Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции” последний наделен определенными полномочиями, которые могут осуществляться не только в отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, но и в отношении обвиняемых, к которым применен домашний арест. При этом в ежедневный план работы, составляемый участковым инспектором милиции на месяц в рабочей тетради, могут вноситься посещения обвиняемых и другие формы осуществления надзора за ними.

Представляется, что надзор за исполнением домашнего ареста может осуществляться и следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Во-первых, именно следователь предлагает прокурору или его заместителю определить либо изменить тот перечень мер, которые сопровождают домашний арест. Во-вторых, только следователь лучше знает личность обвиняемого и обстоятельства совершения им преступления. В-третьих, п. 5 ч. 2 ст. 125 УПК предусматривает обязанность обвиняемого лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за его поведением. Тем самым УПК косвенно допускает возможность участия следователя в осуществлении такого надзора.

Изучение нами практики применения домашнего ареста показало, что в постановлении о применении данной меры пресечения в качестве субъекта надзора указывались начальники РОВД (РУВД) — 46,5 %, ГОМ РОВД — 2,8 %, ООПП РОВД (РУВД) — 43,7 %. В 1,4 % случаев таким субъектом определялся РОВД и в 0,7 % — МОБ РОВД. В 2,8 % постановлений запись о надзирающем органе отсутствовала².

При установлении некоторых правоограничений субъектом надзора определялись не только орган дознания, но и другие должностные лица. Так, следователь, ведущий производство по делу, в 2,1 % случаев определялся в качестве лица, на звонки которого обвиняемый обязан был отвечать, в 2,9 % — лица, кому обвиняемый должен был звонить, а в 0,7 % случаев таким субъектом определялся

¹ Здесь и далее приводятся данные проведенного Т.А. Савчук анкетирования работников правоохранительных органов из различных регионов Республики Беларусь, в том числе 77 сотрудников следственных отделов предварительного расследования Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 106 прокурорских работников, 63 судьи общих судов.

² Здесь и далее приводятся данные изучения Т.А. Савчук в прокуратурах города Минска, Минской области и города Витебска 139 надзорных производств за 2007 — 2010 годы по уголовным делам, по которым к обвиняемым в качестве меры пресечения применялся домашний арест.

РОВД. Органами, куда обвиняемый должен был являться для регистрации, указывались РОВД (8,6 %), орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор (4,3 %), уголовно-исполнительная инспекция (1,4 %). Как должностное лицо, к которому обвиняемый должен был являться, в 1,4 % случаев указывался следователь, в 0,7 % — участковый инспектор милиции либо следователь.

Нередко в постановлении о применении домашнего ареста допускаются ошибки в определении органа, который будет осуществлять надзор за обвиняемым, к которому применена данная мера пресечения. Так, следователем Воложинского РОВД к обвиняемому С., проживающему в д. Городьки Воложинского района, применен домашний арест с установлением запретов, указанных в пп. 1—3 ч. 2 ст. 125 УПК. Однако копия постановления ошибочно направлена начальнику Советского РУВД города Минска, а не по месту жительства обвиняемого [9].

По нашему мнению, неединообразное понимание и различное определение органа, осуществляющего надзор за исполнением домашнего ареста, связаны и с отсутствием в УПК требований к содержанию и форме постановления о применении данной меры пресечения. Поэтому в 95 % таких решений установленные в отношении обвиняемого правоограничения не раскрывались, в 2,9 % — указывалось лишь на соответствующие пункты ч. 2 ст. 125 УПК, а в 2,1 % — меры, сопровождающие домашний арест, и вовсе не определялись. В 13 постановлениях (9,4 %) во вводной и резолютивной частях указывались различные пункты ч. 2 ст. 125 УПК. В 22,9 % постановлений не указан адрес места жительства обвиняемого, в 1,4 % — содержались два разных адреса — места жительства и регистрации (в 0,7 % — указывалось, что обвиняемый бомж), в 1,4 % — имелись лишь данные о месте рождения этого лица. Выявленные недостатки в оформлении процессуального решения о применении домашнего ареста не позволяют правильно определить надлежащий орган надзора за исполнением такой меры пресечения.

Полагаем, что в постановлении о применении домашнего ареста необходимо не только назвать правоограничения, его сопровождающие, но и раскрыть сущность запретов и обязанностей, возлагаемых на обвиняемого, а также точно указать тот территориальный орган (должностное лицо этого органа),

который уполномочен осуществлять надзор за исполнением этой меры пресечения.

В научной литературе предлагаются различные формы (методы) надзора за лицами, к которым применен домашний арест. Одна из них — проведение профилактических бесед с обвиняемым, в том числе разъяснение последствий нарушения им условий отбывания этой меры пресечения [10]. Отмечая несостоятельность данного суждения, следует указать, что в соответствии с ч. 3 ст. 119 УПК такое разъяснение должно иметь место при объявлении обвиняемому постановления о применении домашнего ареста.

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов показали: 80,9 % полагают, что надзор за исполнением домашнего ареста должен осуществляться путем внезапного посещения обвиняемого в его жилище в любое время суток, 54,6 % — периодических телефонных звонков, 43,2 % — опроса соседей и совместно проживающих с обвиняемым лиц, 19,1 % — выставления круглосуточной охраны. В числе других форм надзора назывались использование ЭСК — 4,9 %, специальных средств — 2,2 %, видеонаблюдения — 0,5 %, проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) — 0,5 %, установление графика звонков в уголовно-исполнительную инспекцию — 0,5 %.

Осуществление надзора за исполнением домашнего ареста посредством проведения ОРМ и следственных действий вызывает возражение. Ведь наблюдение за поведением обвиняемого, на наш взгляд, не соответствует задачам оперативно-розыскной деятельности, а цель следственных действий — собирание и проверка доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Несомненно, что использование ЭСК при исполнении домашнего ареста (п. 4 ч. 2 ст. 125 УПК) наиболее предпочтительно. Так, в 2011 году Департаментом исполнения наказаний и управлением по надзорно-исполнительной деятельности МВД проведен успешный эксперимент по использованию GPS-браслетов в отношении осужденных к ограничению свободы [11]. Хотелось бы надеяться, что в ближайшем будущем такие устройства будут применяться и к обвиняемым, находящимся под домашним арестом.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 125 УПК установление запрета выхода из жилища не исключает возможности для обвиняемого покидать

его на определенное время. В таком случае регламентированные по продолжительности отлучки обвиняемого с места отбывания домашнего ареста должны быть отражены в постановлении о применении данной меры пресечения, при этом обвиняемый обязан своевременно уведомлять надзирающее должностное лицо об оставлении жилища.

Представляется, что, при установлении запрета выхода из жилища, орган, ведущий производство по уголовному делу, должен уведомить об этом администрацию по месту работы либо учебы обвиняемого для решения вопроса о его увольнении, предоставлении отпуска либо уточнении графика работы (учебы). Кроме того, полагаем, что о применении к лицу домашнего ареста целесообразно сообщить лечебному учреждению, где обслуживается обвиняемый, жилищно-коммунальной и паспортно-визовой службам по месту его регистрации.

Запрет выхода из жилища и общения с определенными лицами (п. 3 ч. 2 ст. 125 УПК) может контролироваться посредством посещений обвиняемого по месту жительства надзирающим должностным лицом, звонков на домашний телефон обвиняемого, опроса его соседей.

Запрет телефонных переговоров, отправления корреспонденции и использования любых средств связи (п. 2 ч. 2 ст. 125 УПК) не должен распространяться на получение обвиняемым денежных переводов от юридических лиц (зарботной платы, пенсии, гонорара) и физических лиц (родственников, членов семьи), продуктовых посылок и подобных отправок. Исключением явится отправление обвиняемым корреспонденции, связанной с перечислением денежных сумм по налогам, для погашения кредита, оплаты коммунальных услуг, страховых взносов, а также его письменных обращений в государственные органы и к своему защитнику. Полагаем, что при установлении полного запрета выхода из жилища обвиняемому должна предоставляться возможность пользоваться услугами почтовой связи по месту отбывания домашнего ареста с учетом названных исключений. Запрет телефонных переговоров не должен распространяться на использование телефонной либо иных средств связи в экстренных случаях, например для вызова скорой медицинской помощи, получения и передачи информации защитнику, следователю, органу, осуществляющему надзор за исполнением домашнего ареста.

На практике запрет, предусмотренный п. 2 ч. 2 ст. 125 УПК, устанавливался в 13,7 %

случаев. При этом в постановлениях о применении домашнего ареста содержалась лишь ссылка на пункт соответствующей правовой нормы без какой-либо конкретизации. Между тем в названном документе следует указывать имеющиеся у обвиняемого средства связи, запрещенные для использования, круг лиц, в отношении которых будет действовать данный запрет, а также виды почтовых и иных отправок, на которые он будет распространяться.

Исполнение запрета, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 125 УПК, по мнению работников правоохранительных органов, может осуществляться путем отключения домашнего (мобильного) телефона и доступа к сети Интернет — 48,6 %, наложения ареста на почтово-телеграфные и иные отправления (ст. 213 УПК) — 45,3 %, прослушивания и записи переговоров (ст. 214 УПК) — 29,5 %, иными способами — 6,4 %. К последним относятся проверка исполнения правоограничений, сопровождающих домашний арест (1,6 %), запрос сведений о соединениях (1,1 %), проведение ОРМ (1,1 %), отобрание подписки о недопустимости нарушения домашнего ареста (0,5 %), извещение почтового учреждения о запрете доставки в адрес обвиняемого корреспонденции (0,5 %), иные (без их уточнения) — 1,6 %. Большинство из перечисленных способов являются процессуальными действиями либо ОРМ, о невозможности использования последних с целью надзора за исполнением домашнего ареста было указано выше.

Полагаем, что запрет телефонных переговоров и отправления корреспонденции должен исполняться путем направления лицом, ведущим производство по делу, соответствующих уведомлений в организации, обеспечивающие почтовую и телефонную связь. Для надлежащего контроля за соблюдением обвиняемым названных запретов данное должностное лицо вправе запрашивать информацию из таких организаций с целью выявления фактов отправления и получения почтовой корреспонденции, а также проведения переговоров по каналам электросвязи. Закон Республики Беларусь «О почтовой связи» (ст. 13) предусматривает выдачу информации об адресных данных пользователей услугами почтовой связи, о почтовых отправлениях и их содержании государственным органам в случаях, предусмотренных законодательными актами. Орган дознания, осуществляющий надзор за поведением обвиняемого, к которому при-

менен домашний арест, не наделен правом истребования информации подобного рода, поскольку он не является органом предварительного следствия по данному уголовному делу. Таким образом, для осуществления надзора за исполнением указанного запрета необходимо активное участие следователя.

При возложении на обвиняемого обязанности являться для регистрации (п. 5 ч. 2 ст. 125 УПК) в постановлении о применении домашнего ареста необходимо указывать конкретный территориальный орган внутренних дел (его должностное лицо), осуществляющий надзор за его исполнением, куда обвиняемый должен являться, а также день и час его явки.

Установление наблюдения за обвиняемым или его жилищем, а также охрана его жилища или отведенного ему в жилище помещения (п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК), на наш взгляд, должны предполагать нахождение лиц, выполняющих охранные функции, за пределами того помещения, где исполняется домашний арест. Охрана обвиняемого и его жилища может быть как круглосуточной, так и временной, т.е. в период нахождения лица в жилище.

Изучение практики показывает, что охрана жилища обвиняемого почти не используется. Нам удалось обнаружить такую меру лишь по одному уголовному делу (0,7 %). Следователем Первомайского РОВД города Минска к обвиняемому М. был применен домашний арест с установлением мер, предусмотренных пунктами 1, 3, 5—7 ч. 2 ст. 125 УПК. В постановлении было указано, что за М. и его жилищем устанавливается наблюдение, одновременно ему запрещается покидать жилище в период с 22 до 06 часов [12]. Следовательно, охрана жилища М. осуществлялась лишь в обозначенный период, а в остальное время наблюдение за обвиняемым не велось.

Некоторые специалисты предлагают, что расходы, понесенные при осуществлении надзора за исполнением домашнего ареста, следует включать в процессуальные издержки. П.И. Люблинский отмечает, что оплата таких расходов должна производиться за счет “казны”, если сам обвиняемый не пожелает принять их на себя [13]. А.В. Солтанович полагает, что нельзя относить к процессуаль-

ным издержкам те расходы, которые не включены в перечень, предусмотренный УПК, в том числе затраты, связанные с применением мер процессуального принуждения [14].

В ходе опроса 60,6 % респондентов указали, что обвиняемый должен оплачивать расходы, связанные с домашним арестом, в их числе затраты на посещение обвиняемого по месту жительства (41,5 %), выставление охраны у его жилища (40,2 %), телефонные звонки надзирающего должностного лица (30,1 %), ЭСК (0,4 %).

Как известно, УПК (п. 10 ч. 1 ст. 162) включает в процессуальные издержки в том числе и иные расходы, понесенные при производстве по уголовному делу. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъясняет, что к таким расходам следует относить непременные в пп. 1—9 ч. 1 ст. 162 УПК суммы, если необходимость их выплаты непосредственно была связана с собиранием, исследованием и проверкой доказательств, а также расходы, связанные с сохранностью имущества, на которое наложен арест, мерами попечения о детях, иждивенцах и по обеспечению сохранности имущества, жилища обвиняемого. Включение в процессуальные издержки расходов на содержание и материально-техническое оснащение и обеспечение органов, ведущих уголовный процесс, законом не предусмотрено [15].

Полагаем, что возложение на обвиняемого возмещения расходов, связанных с исполнением домашнего ареста, является недопустимым, поскольку эта мера пресечения применяется по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что порядок исполнения домашнего ареста должен быть определен специальным нормативным правовым актом, в котором следует регламентировать все вопросы применения указанной меры пресечения и осуществления надзора за лицами, в отношении которых она избирается. Кроме того, в ст. 125 УПК необходимо изложить требования к содержанию и форме постановления о применении домашнего ареста, соблюдение которых существенно облегчит и обеспечит его надлежащее исполнение.

Список цитированных источников

1. Савчук, Т.А. Домашний арест: проблемы правового регулирования и применения / Т.А. Савчук // Законность и правопорядок. — 2008. — № 4(8). — С. 52 — 56; Савчук, Т.А. Особенности применения домашнего ареста

как меры пресечения / Т.А. Савчук // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь / учредитель — Академия управления при Президенте Республики Беларусь. — Вып.8 (2006). — Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. — Вып.1 (2001). Вып.8. — 2006. — С. 407 — 420.

2. Стук, А. Цель Концепции — реформирование системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения наказаний / А. Стук // Законность и правопорядок. — 2011. — № 3(19). — С. 15.

3. Гусельникова, Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Гусельникова. — Томск, 2001. — С. 48.

4. Кабилова, С.А. Домашний арест как мера пресечения в отечественном и зарубежном законодательстве / С.А. Кабилова, Ш.Х. Заман // Российский следователь. — 2004. — № 2. — С. 48.

5. Стерхов, П. Судебный контроль и проблемы применения домашнего ареста и залога в качестве мер пресечения / П. Стерхов, И. Стерхова // Уголовный процесс. — 2008. — № 3. — С. 80.

6. Абдырахманов, К.С. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.С. Абдырахманов. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 19—20.

7. Григорьева, А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Григорьева. — Красноярск, 2008. — С. 20.

8. Трунова, Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Л.К. Трунова. — М., 2002. — С. 37.

9. Архив прокуратуры Воложинского района Минской области за 2010 г. — Надзорное производство № 09016050343.

10. Светочев, В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Светочев. — Калининград, 2009. — С. 22.

11. Альтернатива заключению — электронный браслет [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=61453>. — Дата доступа: 09.12.2011.

12. Архив прокуратуры Первомайского района г. Минска за 2007 г. — Надзорное производство № 07011060196.

13. Люблинский, П.И. Меры пресечения (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Практик. комментарий) / П.И. Люблинский. — 3-е изд. испр. и доп. — М.: Право и жизнь, 1926. — С. 48.

14. Солтанович, А.В. О процессуальных издержках, подлежащих взысканию с осужденных / А.В. Солтанович // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2010. — С. 177.

15. О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 2 июня 2011 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2011. — № 6/1036.

В статье на основе анализа уголовно-процессуального закона и практики его применения рассматриваются вопросы реализации правоограничений, сопровождающих домашний арест, способы осуществления надзора за лицами, к которым применена данная мера пресечения, вносятся предложения по совершенствованию порядка ее исполнения.

In the article based on reviewing of criminal procedure law and its application practice the questions of disabilities enforcement accompanied house arrest, the ways the supervisory action on individuals being under house arrest are dealt with, the proposals to improve this measure of restraint are offered.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.12.2011